[18] См.: Пояснююча записка... С. 71.
[19] См.: Фінанси України 1926/1927рік... С. 58–59, 67.
[20] Там же. С. 67.
[21] Державний бюджет УРСР на 1928/1929 рік з пояснюючою запискою. Харьков, 1928. С. 14.
[22] Там же. С. 5.
[23] См.: Державний бюджет УРСР на 1929/1930 рік з пояснюючою запискою. Харьков, 1929. С. 10.
[24] Там же. С. 11.
[25] См.: Г а р д и н А. Перспективы госбюджетов в доходной части // Плановое хозяйство. 1928. № 3. С. 102–103.

Поступила в редакцию 08.01.13.

Оксана Викторовна Чеберяко – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

А. Н. МАКСИМЧИК

АСПЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ (1920-е – НАЧАЛО 1940-х гг.)

Рассматривается процесс становления советской историографии по проблеме присоединения Северного Кавказа к России. Анализируются довоенные специализированные исторические журналы, затрагивающие различные аспекты включения этого региона в состав России. На примере ряда журнальных статей наглядно показаны узловые вопросы в осмыслении проблемы присоединения горцев к России и подходы к их решению (дискуссия по вопросу оценки деятельности и достижений дореволюционной историографии). Делается вывод о том, что центральной проблемой молодой советской исторической науки была слабость методологической и источниковедческой базы, что накладывало свой отпечаток на проблематику статей. Одной из ключевых тем на страницах журналов являлась дискредитация политики России на Северном Кавказе через призму показа целей и методов ее колониальной политики, а также критика идей дореволюционных «дворянских» историков.

Ключевые слова: советская историография; Северный Кавказ; исторический журнал.

The article focuses on the process of becoming Soviet historiography by the issue of joining the North Caucasus to Russia. The subject of the research is the analysis of the pre-war specialized historical magazines wich consider the different aspects of joining this region to Russia. On the example of number's magazine articles visual demonstrated the main questions in comprehension the issue of mountaineer's joining to Russia and the methods of it's solving (the discussion is about the estimation of activity and achivments of the pre-revolutionary historiography). The author concludes that the main significant problem of early Soviet History was the lack of methodological and source study base. This fact influenced by it's own way on problems article. One of the dominant themes in the magazines was discredit of Russia's policy in the North Caucasus via displaying of the purposes and methods of its colonial policy, as well as, criticism of the ideas of pre-revolutionary so-called nobiliary historians.

Key words: soviet historiography; the North Caucasus; historical magazine.

Процесс становления советской исторической науки, эволюция и динамика ее идеологических, структурных, тематических составляющих получили отражение на страницах научных исторических журналов, издание которых в СССР способствовало сплочению историков, избравших марксистскую позицию. Становление исторических журналов, выработка редакционных концепций в их специализации и тематике в 1920–1930-е гг. происходили параллельно с общим организационно-структурным построением научно-исследовательских учреждений советской исторической школы. В эти два десятилетия появились и продуктивно работали такие специализированные журналы, как «Пролетарская революция» (1921–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941), «Историк-марксист» (1926–1941), «Революция и горец» (1928–1933), «Борьба классов» (1931–1936), «Исторический журнал» (1937–1945) и др.

На страницах этих периодических изданий исследователи сконцентрировались над практическим внедрением в исторический процесс идей и положений марксизма (в том числе в его сталинской интерпретации), созданием и применением нового научного инструментария при анализе конкретных исторических явлений. Одновременно активно велась борьба на «научном фронте» с дворянской и буржуазной исторической наукой, критиковались и разоблачались построения неокрепших марксистских историков. На первых порах многие историки «притирались» к возможному применению учения о классовой борьбе путем его наложения на комплекс вопросов, связанных с причинами, целями, характером и итогами территориального роста Российской империи и реакцией на эти внешние и внутренние успехи ее многочисленных «угнетенных» народов. При этом перманентные различного масштаба национально-освободительные движения рассматривались в качестве интегральной части мирового революционного процесса. Полученные выводы и результаты позволяли не только дискредитировать свергнутый политический режим, но и подчеркнуть выдающееся значение завоеваний Октябрьской революции, ликвидировавшей эту «тюрьму народов».

Апробация данного методологического «трафарета» была характерна и для публикаций о процессе присоединения Северного Кавказа к России. Первые исследовательские «плоды» такого подхода были получены в конце 1920-х гг., когда произошли серьезные изменения в эволюции политического режима в СССР, приведшие к трансформации исторической науки, что самым непосредственным образом отразилось и на содержании периодических изданий.

В качестве примера характерна судьба работы историка и этнографа Г. А. Кокиева (1896–1955) «Очерки по истории Осетии» (Владикавказ, 1926), на страницах которой он зарекомендовал себя в ка-

честве безусловного приверженца концепции «завоевания» Кавказа на основании концептуальных построений М. Н. Покровского и его школы. Начиная с 1927 г. в традиционной рубрике рецензий журнала «Историк-марксист» стали помещаться результаты «ревизий» ряда научных работ историков-кавказоведов на предмет соблюдения ими научно-методологических стандартов[1], среди которых оказалась и указанная работа Г. А. Кокиева, удостоенная высокой оценки лингвиста-кавказоведа Н. Ф. Яковлева за содержание, идейную и научную направленность. Однако уже через несколько лет – после принятия решений XVI съезда ВКП(б) 1930 г. (о национальных уклонах в сторону великодержавного и местного шовинизма. – *А. М.*) и публикации в конце 1931 г. письма И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» – в журнале «Пролетарская революция» труд Г. А. Кокиева был подвергнут критике и в последующем стал недоступен читателю. На страницах «Историка-марксиста», а также журнала «Революция и горец» Н. Г. Буркин обвинял автора в отсутствии критики старой буржуазной литературы[2]. В результате в 1932 г. «Революция и горец» напечатал покаянное письмо Г. А. Кокиева, в котором он признавал следующее: «Чрезвычайно большой и грубой своей ошибкой считаю в данной работе, прежде всего, недостаточно критическое отношение с моей стороны к тем старым дореволюционным источникам, которые легли в основу “Очерков”, тем более, что все эти источники в своем подавляющем большинстве написаны либо официальными историками быв. царской России типа Дубровина, Берже и т. д., либо непосредственными колонизаторами Кавказа типа Зубова, Дебу, Потто, Ермолова и им подобными авторами, которые являлись идеологами русского дворянства и буржуазии и проводниками политики военно-феодального империализма на Кавказе…»[3] В конце письма автор обещал переработать свой труд «под углом зрения марксистско-ленинской методологии».

Процесс «изобличения» неокрепших марксистских историков происходил на фоне разгоревшейся дискуссии по вопросу преемственности результатов исследований дореволюционных историков и возможности их использования в новых условиях развития исторической науки – в силу дефицита ярких исследований, посвященных вопросам присоединения Кавказского региона к России, созданных на основе «новой» методологии.

На обсуждении данной проблемы, а также вопросов истории российско-кавказских отношений, присоединения региона к России сконцентрировал свое внимание печатный орган Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института журнал «Революция и горец». В 1929 г. в нем была опубликована статья Г. Левоняна, в которой предлагалось начать ликвидацию в «мусорный ящик истории» тенденциозной дореволюционной литературы, поскольку ее авторами «являлись офицеры оккупационных отрядов, составлявших понятие о горцах в обстановке суровой войны, когда нравы и поведение сторон не могут быть измеряемы обыкновенными нормами «морали и человечности»[4]. В то же время Г. Левонян признавал, что старая литература «еще в недостаточной степени заменена новой популярной литературой, способной осветить правильным научным анализом происхождение и историю кавказских народов, их вековую борьбу с “исконно-русским” самодержавием…»[5]. Выход из этой ситуации многие историки видели в критическом прочтении дореволюционных источников и литературы о Кавказе. Так, на фоне растущего тяготения исследователей к кавказоведческим дисциплинам в 1920-х гг. «старая» литература не только активно закупалась для библиотек региона, но и переиздавалась. В 1927 г. Общество изучения Адыгейской автономной области, руководствуясь марксистской методологией, лишенной «ярко выраженного русского национального шовинизма», переиздало главу работы Н. Ф. Дубровина «История войн и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1871–1888), посвященную адыгам[6]. Годом ранее Ассоциация Северо-Кавказских горских краеведческих организаций возобновила приостановленный в 1914 г. выпуск «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа»[7].

С критикой наметившейся тенденции утилизации всей дореволюционной литературы выступил заведующий Северо-Кавказской библиотекой краеведения Д. А. Сарахан. В своем ответе Г. Левоняну он неоднократно подчеркивал ценность таких изданий, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», «Кавказский календарь», газета «Кавказ»[8]. Несмотря на тенденциозную оценку процесса присоединения Кавказа к России во многих работах дореволюционных историков, именно в них, по его мнению, присутствовал качественный уровень исследования очевидно острой проблемы.

К дискуссии о возможности использования дореволюционного материала на советском этапе исторической науки присоединился научный сотрудник Северо-Кавказского музея горских народов Н. Т. Лихницкий. Он отрицал преемственные «нити» между дореволюционной и советской историографией и отмечал, что кавказоведение и историография Кавказа были пропитаны великодержавностью. По его мнению, «объективным моментом, определяющим такой характер научных исторических исследований, является тот факт, что Кавказ был одной из колоний царской России, национальное угнетение и эксплуатация которого должны были быть идеологически оправданы какими-то высшими принципами и соображениями. И вот огромное большинство старых, научных трудов по истории Кавказа и были призваны выполнить эту служебную роль»[9]. Н. Т. Лихницкий предлагал разделить всю дореволюционную литературу на 3 группы: 1) военно-исторические (работы Н. Ф. Дубровина, А. П. Берже, П. Г. Буткова, В. А. Потто, С. С. Эсадзе, А. Ф. Щербины); 2) краеведческие; 3) публицистические статьи и брошюры оппозиционного направления по отношению к царской политике на Кавказе. Первые две группы должны были быть решительно и по-идейному принципиально осуждены. Что касается последней, то автор полагал, что можно найти идейное сходство и преемственные «нити» с марксистско-ленинским на-

правлением краеведения[10]. Наиболее опасной группой источников Н. Т. Лихницкий считал вторую, так как «некритическое отношение к наследству этой категории краеведов опаснее, ибо оно более замаскировано, чем военно-историческая литература», которая «подчас прикрывала свою колонизаторскую сущность знаменем служения чистой науке, бескорыстных подвигов на поприще просвещения темных туземцев и т. д.»[11]. Рассуждая о пользе и вреде преемственности, автор сделал вывод о том, что нити между дореволюционной и советской историографией должны быть решительно разорваны «по линии основного идейного методологического направления научной работы»[12].

С обвинениями в извращении и фальсификации истории народов Северного Кавказа в рамках дореволюционной историографии на страницах журналов выступал Н. Г. Буркин. Он подчеркивал, что «дело покорения горцев завоевателями представлялось как "замирение", как доброе дело, которое лишь в силу дикости горцев правительство вынуждено производить насилием. А генералы-историки подхватили эту ложь, прикрывающую захватнические цели господствующего класса, и обосновывали ее фактами и примерами, тем самым выполняя "социальный заказ" господствующего класса»[13]. Дореволюционным военным историкам предъявлялись следующие обвинения: 1) сокрытие грабительской сущности колониальной политики царской России; 2) сокрытие классовой дифференциации среди горского населения; 3) мнение о том, что русская нация есть «великодержавная». В этой связи главную прогностическую задачу марксистской историографии Н. Г. Буркин видел в раскрытии реакционности этих теорий и их несоответствии исторической действительности. Он с сожалением писал, что «до настоящего времени мы имеем лишь слабые попытки в этом направлении…»[14]. Выход из методологического «тупика» автор видел в использовании ленинских идей о том, что: «1) появление русских в горах Северного Кавказа было обусловлено неизбежным законом капитализма – искать все новые и новые рынки для товаров и капиталов и 2) горские области Кавказа сначала были завоеваны политически, а затем шел процесс экономического "завоевания"»[15]. Такой авторский посыл был уже не нов: с целью коренного изменения сложившейся ситуации в изучении истории присоединения Северного Кавказа к России редколлегии журналов, безусловно, обращались к идеям классиков марксизма-ленинизма.

Вслед за «травлей» работ Г. А. Кокиева в журнале «Историк-марксист» Н. Т. Лихницкий и Н. И. Покровский провели кампанию против работ историка Б. В. Скитского, посвященных истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе в XVIII – 70-х гг. XIX в. Его обвинили в великодержавном шовинизме, выразившемся в фальсификации роли основной движущей силы – крестьянства – и обосновании прогрессивной цивилизаторской роли царской России на Северном Кавказе[16].

С конца 1920-х гг. в журналах стали помещаться статьи, посвященные разработке проблемы мюридизма[17]. Исследования изначально строились на «атеистическом» подходе и признавали реакционный характер этой идеологии. По мнению историка Н. И. Покровского, эволюция мюридизма привела к созданию «нового горского дворянства», которое стало главным виновником гунибской трагедии 1859 г. Менее категорично отзывался о мюридизме ректор Горского педагогического института Х. Д. Ошаев. Он признавал объединительную роль идеологии в борьбе против российских войск и понимал ее не как религиозно-освободительное, а как религиозно-оборонительное движение[18].

Важное место исторические журналы уделяли методам и целям колониальной политики царизма на Кавказе[19]. Историк К. В. Сивков продемонстрировал эволюцию целей российского государства, которые оно определяло по отношению к горцам. Он отмечал, что «если при Иване Грозном, первых Романовых и Петре I походы на Кавказ предпринимались с целью обеспечить русским купцам торговые пути на Восток, то теперь, во второй половине XVIII в., целью кавказских походов русского правительства является захват новых земель»[20]. По его мнению, в XIX в. была четко сформулирована программа превращения Кавказа в русскую колонию.

Публикации в исторических журналах, кроме всего, освещали работу ряда научных учреждений, занимавшихся изучением истории Северного Кавказа[21]. Так, в планах Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института на 1933–1934 гг. предусматривалась работа по изучению истории завоевания Кавказа, истории Кавказской войны (борьба горцев северо-западного Кавказа и восточно-кавказского имамата), разработка вопросов истории колониального угнетения в целом.

В начале 1930-х гг. в журнале «Революция и горец» появились также критические замечания по вопросам музейного строительства и рекомендации по созданию марксистской экспозиции региональных музеев, направленные на компрометацию царизма в XIX в. и представление безусловной исторической закономерности революционизации масс[22]. С критикой Дагестанского музея выступил Дж. Аскеров. Он подчеркивал, что музей не отвечал диалектико-материалистическому, марксистскому методу построения экспозиции, выражавшемуся в «бессистемности расстановки экспонатов и никчемности их с точки зрения требований социалистического строительства»[23]. Анализ исторического отдела музея, в котором Каспийский поход Петра I через Дагестан, Кавказская война были показаны посредством известных полотен дореволюционных художников (Ф. А. Рубо, П. И. Бабаев), навел автора на мысль о том, что «все эти огромные полотна писались исключительно по заказу царской власти со специальной целью подчеркнуть свою военную мощь и воспитывать в посетителе горце чувство страха и уважения к непобедимому оружию доблестных российских войск»[24]. В итоге Дж. Аскеров сделал вывод о том, что существующий показ событий присоединения Дагестана к России не объясняет посетителю «ни роль имамата, ни роль торгового капитала, ни роль духовенства и шейхизма, ни конкурирующей роли кизлярских купцов»[25].

Анализ публикаций советских довоенных исторических журналов по различным аспектам присоединения Северного Кавказа к России показывает, что главной проблемой формирующейся новой исторической школы являлась слабость методологической и источниковедческой базы. Поэтому доминировало простое отторжение и даже шельмование научных построений дореволюционных специалистов-кавказоведов путем обвинения их в «искажениях и фальсификациях». Отсутствовало четкое понимание того, какой должна быть «новая» историческая наука. Зыбкость научных построений определялась к тому же и постоянной динамикой политического режима, дрейфом общих идеологических парадигм. Односторонняя, не всегда научная дискредитация идей дореволюционных историков, а также замещение теоретических выводов профессиональных историков идеологемами привели к политизации исторических журналов, ломке научного академизма. Основным каналом преемственности дореволюционной историографии в работах советских историков стало применение и заимствование собранного ею богатого фактического материала и исторических документов. В отличие от работ дореволюционных историков, детально описавших ход присоединения Северного Кавказа к России, молодые марксистские историки сконцентрировались на оценке причин и итогов присоединения, анализе методов российских властей, направленных на включение Кавказа в состав империи, социальной базы и идеологии национально-освободительного движения. На примере исторических журналов хорошо видно, что вся довоенная советская историография прошла под знаком поиска альтернатив показа присоединения горцев к России, выработки и корректировки общей концепции этого процесса (напрямую зависевших от партийных установок), что приводило к диаметрально противоположным результатам (переход от концепции «абсолютного зла» к «наименьшему злу»).

Для анализа становления и первых шагов советской историографии исторические журналы 1920-х – начала 1940-х гг. имеют первостепенную роль, они позволяют зафиксировать научно-идеологические сдвиги, произошедшие в изучении присоединения Северного Кавказа, показать их идейную и научную направленность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Яковлев Н. Ф. (Рецензия) // Историк-марксист. 1927. Т. 5. С. 270–273. Рец. на кн.: Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Ч. 1; Кокиев Г. (Рецензия) // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 239–241. Рец. на кн.: Поджидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.; Л., 1926; Петрушевский И. (Рецензия) // Историк-марксист. 1940. № 7. С. 141–144. Рец. на кн.: Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939.

[2] См.: Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 4. С. 3–11; № 5. С. 44–60; Он же. О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. 1932. № 1-2. С. 140–161.

[3] Революция и горец. 1932. № 2-3. С. 205.

[4] Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. 1929. № 1-2. С. 54.

[5] Там же. С. 57.

[6] См.: Б. Г. О краеведческой работе в Адыгее // Революция и горец. 1929. № 1-2. С. 49.

[7] См.: Кокиев Г. (Рецензия) // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 264–265. Рец. на кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа / под ред. акад. Н. Я. Марра, проф. А. М. Дирр, А. Ф. Ляйстер, Д. М. Павлова, А. А. Таха-Годи и проф. Н. Ф. Яковлева. Махачкала, 1926. Вып. 45.

[8] См.: Сарахан Д. О «халтурности» литературы о Кавказе и его народах. (Ответ Г. Левоняну) // Революция и горец. 1929. № 6. С. 46.

[9] Лихницкий Н. Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // Там же. 1929. № 9. С. 26.

[10] Там же. № 10. С. 18.

[11] Там же. С. 22.

[12] Там же. С. 27.

[13] Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 4. С. 4.

[14] Там же. С. 46.

[15] Раенко Я. Н. За ленинское изучение горских народов Северного Кавказа // Там же. 1932. № 4. С. 120–124; Сафаров Г. Маркс и Энгельс и борьба горских народов против царизма // Там же. 1933 № 3-4. С. 19–25.

[16] См.: Лихницкий Н., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. Т. 2. С. 105.

[17] См.: Ошаев Х. Мюридизм в Чечне // Революция и горец. 1929. № 3. С. 39–44; Покровский Н. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. 1933. № 6-7. С. 105–115; Он же. Мюридизм у власти // Историк-марксист. 1934. Т. 2. С. 30–76.

[18] См.: Ошаев Х. Указ. соч. С. 39.

[19] См.: Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 4. С. 30– 35; № 5. С. 33–38; № 6. С. 32–37; Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. 1936. № 8. С. 24–35; Писарев В. И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 154–185.

[20] См.: Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. 1936. № 8. С. 24.

[21] См.: Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт // Революция и горец. 1933. № 10-12. С. 143–145; Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. 1934. Т. 3. С. 136–138.

[22] См.: Ант. Больше внимания национальным музеям // Революция и горец. 1930. № 9-10. С. 55–58; Аскеров Дж. За большевистскую партийность краеведческих музеев // Революция и горец. 1933. № 5. С. 56–57.

[23] Ант. Больше внимания национальным музеям // Там же. 1930. № 9-10. С. 56.

[24] Аскеров Дж. За большевистскую партийность краеведческих музеев // Там же. 1933. № 5. С. 56.

[25] Там же. С. 56.

Поступила в редакцию 07.05.12.

Андрей Николаевич Максимчик – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России О. А. Яновский.